

Проблема любви въ свѣтѣ современной психологіи.*)

(ЗАПИСЬ ДОКЛАДА ПРОФ. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВА):

(Продолженіе).

Переходимъ къ характеристикѣ другой стихіи — либидо.

То, что Фрейдъ говоритъ о либидо и сексуальности, не особенно глубоко. Для того, чтобы понять своеобразный трагизмъ столкновенія либидо и эроса, столь мучительнаго, что оно можетъ привести къ самоубійству, чтобы увидѣть эту трагедію, надо взвѣсить силу либидо. У Фрейда сила либидо не преувеличена, а значительно ириуменьшена. Онъ понимаетъ либидо такъ, какъ обычно понимаютъ его фізіологи и психологи, — влеченіе, которое при нормальномъ функционированіи не заключаетъ въ себѣ ничего таинственнаго; при задерживаніи — приводитъ къ возникновенію неврозовъ. Но это, дѣйствительно, приниженіе, преуменьшеніе сексуальности. Если почувствовать силу сексуальности въ мощныхъ произведеніяхъ, какъ разъ говорящихъ о сексуальности, — какъ, на примѣръ, «Пѣснь Пѣсней», «Тристанъ и Изольда», нельзя не видѣть, что Фрейдъ недооцѣниваетъ, не допонимаетъ силы сексуальности. Поль — не нѣчто постыдное и недозволенное, а именно тайна, подлинная, глубокая тайна, а совсѣмъ не хитрость природы, не трюкъ, какъ это думалъ Шопенгауэръ, видѣвшій въ сексуальности «приманку», при помощи которой воля заставляетъ челоуѣка стремиться къ продолженію рода. «Лустъ - принципъ», «исканіе наслажденія» Фрейда тоже недостаточно для пониманія пола. Фрейдъ замѣчательный наблюдатель, но недостаточный философъ. Поль есть стихія природной жизни, въ

ней «хаосъ шевелится», здѣсь царствуетъ Діонисъ, богъ ночи и безумія. Таинства Діониса одни могутъ дать представленіе о глубинѣ и силѣ стихіи сексуальности. Вакхическія мистеріи, средневѣковые шабаши, наши хлыстовскія радѣнія — вотъ свидѣтельства страшной подсознательной силы сексуальности. Современный «сексъ-аппель» есть ея слабый отголосокъ.

Стихія пола не знаетъ статическаго состоянія. Это огонь внезапно разгорающійся и угасающій въ ту минуту, когда онъ достигаетъ наивысшаго напряженія. Угасаніе сознанія, нирвана — послѣдняя цѣль, конецъ напряженія. На это справедливо указалъ Фрейдъ. Экстазъ страсти переживается какъ блаженное умираніе, какъ касаніе Изольды. Отсюда становится понятнымъ странное изреченіе Гераклита — «Одно и то же, Гадесъ и Діонисъ»; одно и то же лицо богъ подземнаго царства и богъ чувственнаго упоенія, богъ жизни и богъ смерти. Любовь въ формѣ либидо есть жестокой богъ подземнаго царства. Для входа въ это царство факелъ сознанія долженъ быть потушенъ.

Далеко не всѣ сознаютъ тайну и глубину либидо. В. В. Розановъ понималъ ее гораздо болѣе, чѣмъ Вл. Соловьевъ. Послѣдній въ своей статьѣ о смыслѣ любви правильно оцѣнилъ любовь возвышенную и Эросъ влюбленности, но что такое либидо и какова глубина и смыслъ этой стихіи, этого онъ не понималъ. Розановъ и Вагнеръ поняли это безконечно глубже.

Объективно, либидо, это стихія рожде-

*) «Вѣстникъ», іюль-августъ 1933 г.

нія, стихія подпочвенной, вулканической жизни, токъ високаго напряженія, идущій изъ бездны временъ въ даль будущаго. На ней зиждуться всѣ мессіанскія обѣтованія, предполагающія цѣпь рожденій. Если эта стихія угаснетъ — не будетъ исторіи, не будетъ Новаго Іерусалима.

Субъективно либидо, это — уходъ въ подсознаніе, потеря личности въ «самозабвеніи», «сладостная смерть». Классическое изображеніе субъективной глубины либидо, это — 2 и 3 дѣйствіе «Тристана и Изольды».

Здѣсь мы вплотную подходимъ къ уясненію перваго противорѣчія между Эросомъ и либидо. Эросъ любитъ сознательно, хочетъ смотрѣть въ любимое лицо, требуетъ факела сознанія; либидо боится свѣта сознанія, требуетъ, чтобы онъ былъ потушенъ. Эросъ любитъ внѣшнее выраженіе, стремится къ «объясненію въ любви», ищетъ объективации любви въ поэзій. Либидо живетъ во мракѣ и безмолвіи.

Первая проблема любви, это оцѣнка Эроса въ его отношеніи къ либидо. Она не разрѣшена. Она раздраетъ человѣчество въ его мыслящей части, имѣющей мужество не отворачиваться отъ глубины проблемы. Эросъ стоитъ въ явномъ противорѣчій съ либидо и вмѣстѣ въ явной связи съ нимъ. Здѣсь источникъ постоянной трагедіи въ нераздѣльности и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебности Эроса и сексуальности. Сексуальность, конечно, связана съ красотой — это наблюдается даже въ животномъ мірѣ: пѣніе соловья, изумительное опереніе птицъ, пышное цвѣтеніе розы — все это выраженіе сексуальности. Связь Эроса съ полемъ несомнѣнна. Эросъ не можетъ существовать безъ пола — намъ не дано быть ангелочками съ головкой и крыльями, но безъ тѣла (слова Вл. Соловьева). Такимъ не можетъ быть настоящій Эросъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ — настоящій Эросъ, настоящая влюбленность подавляетъ сексуальность, какъ нѣчто низшее, подчиненное, почти уничтожаетъ ее. Существуетъ, однако, своя правда въ таинственной стихіи Діониса. Фрейдъ говоритъ, что сублимированная либидо — носитель и источникъ культуры; Розановъ утверждаетъ, что либидо — самое высокое и цѣнное въ мірѣ, безъ чего нѣтъ творчества, безъ чего остается только холодъ луннаго свѣта, безъ чего гаснетъ солнце, освѣщающее и согрѣвающее живую, рождающую плоть.

Это одна точка зрѣнія — ветхозавѣтная, библейская.

Но въ человѣческой душѣ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно живетъ сознаніе, что полъ есть нѣчто постыдное, не принадлежащее къ человѣческому духу, что отъ него должно уйти, порвать съ нимъ. Это утвержденіе платонизма, въ этомъ пафосѣ орфическихъ таинствъ. Для нихъ тѣло — темница души, изъ которой душа должна освободиться. Сексуальность является главнымъ соблазномъ на пути къ очищенію — она приковываетъ человѣка къ землѣ. Платонъ говорилъ о ней съ царственнымъ презрѣніемъ: «То, что чернь называетъ блаженствомъ». Отрицательно относились къ полу маркіониты и, въ сущности, всѣ гностическія секты — и они были осуждены христіанствомъ. Въ средніе вѣка альбигойцы отрицали бракъ, какъ нѣчто низшее. Таково же отношеніе къ сексусу въ индійской мистикѣ, хорошо знающей тайну сексуальности, описывающей ее, воплощающей въ своей скульптурѣ, и вмѣстѣ отрицающей ее, какъ главную силу, приковывающую къ жизни. Отсюда стремленіе буддизма развѣнчать сексусъ, потушить соблазнъ женской красоты, разбить цѣпи, связывающія человѣка съ міромъ. Проблема остается неразрѣшенной.

Даже христіанство, по слову Розанова, рѣшаетъ проблему не ясно. Настолько неясно, что самъ Розановъ склоняется къ тому, что христіанство отрицаетъ жизнь пола.

Въ человѣческой душѣ существуетъ принципиальный скепсисъ по отношенію къ сексуальности и скепсисъ по отношенію къ возможности для нея сублимаціи, возможности преображенія, возвышенія. Онъ выраженъ всего сильнѣй въ «Крейцеровой сонатѣ» Толстого. Но въ литературѣ вообще часто изображалось столкновение Эроса и либидо (влюбленности и сексуальности) — такова, напр., тема «Митинной любви» Бунина.

Ключъ къ разрѣшенію проблемы нужно искать въ **функции стыда**. Стыдъ мало понятенъ и мало изученъ психологически и философски. Влюбленность стыдлива, это значитъ, что она старается скрыть отъ себя сексуальность, запрятать ее въ глубину подсознанія.

Нужно сказать, что функцию стыда обычно понимаютъ неправильно, съ ней связывается мысль о полѣ, какъ о чемъ-то «постыдномъ», низкомъ, почти преступномъ. Между тѣмъ, подлинная функция стыда прямо противоположна этому. Смысль функции стыда — указать на закрытость того, что должно вызвать стыдъ, **охранить тайну пола отъ профанации**. Задерживая сексуальность стыдъ не устраняетъ ея, а въ сущности сохраняетъ, усиливаетъ, какъ плотина, задерживая воду, создаетъ потокъ большей глубины. Эросъ — не сублимація либидо, а самостоятельное начало, и прежде всего эстетическое — влюбленность, какъ «любованіе», созерцаніе воплощенной красоты. Не сексуальность порождаетъ Эросъ и переходитъ въ него, а Эросъ является первенствующимъ по отношенію къ сексуальности. Можно быть влюбленнымъ — въ своего отца, въ свою мать, въ друга, въ

«вождя», въ учителя. Это любованіе живымъ идеаломъ можетъ быть отнесено и не къ другому полу и часто характеризуется отсутствіемъ всякаго сексуальнаго переживанія. Влеченіе къ прекрасному образу является основаніемъ этой влюбленности. Эросъ рождается не изъ сексуальнаго влеченія, влюбленность не рождается изъ либидо, а, напротивъ, сама ее рождаетъ, и съ нею многое другое.

Эросъ, влюбленность, является первичнымъ центромъ, изъ котораго рождается всякая любовь. Тутъ раскрывается положительный смыслъ сублимаціи, но въ совершенно иномъ значеніи, чѣмъ у Фрейда. Чѣмъ мощнѣе Эросъ, чѣмъ болѣе онъ благороденъ, чѣмъ полнѣе чувственное отраженіе солнца красоты, тѣмъ мощнѣе и глубже чувство подсознательной сексуальности. Эросъ отодвигаетъ сексуальность, все дѣлаетъ для подавленія ея, и тѣмъ не менѣе углубляетъ и усиливаетъ напряженіе пола. Міровой образъ этого соотношенія Эроса и сексуальности — «Пѣснь Пѣсней». Здѣсь дано первое пробужденіе Эроса, его весеннее очарованіе, но подъ всѣми этими чувствами влюбленности и любованія живетъ напряженная сила мощнаго и глубокаго тока подземной стихіи.

Отсюда свойство всякой истинной великой влюбленности — она окружена препятствіями судьбы. Во всякой подлинной влюбленности неизбежно появляются люди и разыгрываются событія, ставящія препятствія подлинному Эросу. Великая влюбленность растетъ въ силу этихъ препятствій. Отсюда понятенъ мудрый инстинктъ женской психологіи — инстинктъ сопротивленія и бѣгства, Онъ нуженъ для углубленія настоящаго, стихійнаго чувства. Отсюда же рождается и рыцарское чувство дистанціи, стремленіе «осадить коня» (Платонъ).

Эросъ и либидо — два спутника любви,

между ними она протекает. Но в жизни и действии отношения между ними часто складываются трагически.

Возможна ли полная сублимация либидо?

Сублимация возможна, но все понимание сублимации должно быть перестановлено. Если понимать сублимацию в смысле Фрейда, то сублимация, конечно, иллюзия. Но можно понять сублимацию по образу создания художественного произведения. Статуя не есть только «сублимированный камень», но вместе с тем она невозможна без камня. Нельзя сказать, что Эрос «сублимация либидо», но вместе с тем Эрос невозможен без либидо. Сексуальность есть подземный фундамент, а не материал. Фундамент тог-

да и хорошъ, когда онъ не виденъ, спрятанъ, но на немъ строится свѣтлый храмъ Эроса. Они должны быть связаны. Если же не связаны, то нѣтъ и строительства жизни.

Есть двѣ категоріи людей — для однихъ, сексусъ всегда паденіе, они не сумѣли связать сексуальность съ Эросомъ. И такихъ очень много. Сексуальность внѣ связанности съ Эросомъ всегда будетъ переживаться, какъ паденіе. Другіе нашли эту связь, и связанный съ храмомъ Эроса моментъ сексуальности углубляется и обудывается. Безъ этой связи она можетъ разорвать человѣческую душу, какъ растерзали вакханки тѣло Діониса.

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ).

Н. Ф. Федоровъ. Ученіе. Догматика «Общаго Дѣла»*).

Николай Федоровичъ, какъ и нѣкоторые изъ славянофиловъ, въ силу благоприятной въ этомъ смыслѣ обстановки дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ, ни на одинъ мигъ не отходилъ отъ питающей стихіи церковной народной вѣры. Его пламенная преданность православію, которое онъ до конца дней исповѣдывалъ, признавая въ немъ чистѣйшее и высшее выраженіе религіи, засвидѣтельствована всѣми его знавшими. «Н. Ф. часто посѣщалъ церковь. Исповѣдывался. Причащался. Его видѣли въ Успенскомъ соборѣ въ состояніи молитвеннаго экстаза. А. Астаповъ часто встрѣчалъ его въ Храмъ Христа Спасителя». (А. С. Панкратовъ — «Философъ - праведникъ». «Новое Слово», 1912 годъ). «Мой путь, — говорилъ онъ, — **старый**, раскрывающійся въ исконномъ, естественномъ и церковно - православномъ пониманіи».

*) Продолженіе «Вѣстникъ» №№ 5-6, 7-8, 33 гола.

Федоровъ придаетъ огромную важность древнему обряду, старымъ символамъ и богослужебному чину, но все это никоимъ образомъ не является для него самоудовлѣющей, заслоняющей содержаніе формой. «Православіе, — пишетъ Н. Ф. въ неизданномъ письмѣ В. А. Кожевникову, — не довольствуется догматикою, т. е. религіей лишь въ мысляхъ (идеологіей), а требуетъ, чтобы догматика, т. е. догматическое богословіе, получала полное выраженіе всѣми видами искусствъ, соединенными въ храмъ неподвижномъ, какъ и движущемся (въ крестныхъ ходахъ), во внѣшней и внутренней росписяхъ, во внутреннемъ пѣніи и во внѣшней музыкѣ (въ звонѣ). въ службахъ суточныхъ и годовыхъ, во всемъ, что можетъ составить предметъ эстетическаго богословія, которое имѣетъ величайшее значеніе, какъ воспитательное средство, приводящее къ осуществленію на дѣлѣ того, что въ эстетическомъ богословіи выражено эстетиче-